

**НАРЕЧИЕ: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ**

Урунова Фируза Хайдаровна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Абророва Зарнигор

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В статье исследуются функционально-семантические и словообразовательные характеристики наречий в контексте современного русского языка. Особое внимание уделяется деривационным моделям, определяющим морфологическую устойчивость и вариативность этой части речи. Через призму художественного пересказа классических текстов и анализа критических работ рассматривается роль наречия как инструмента создания пространственно-временного континуума текста.

Abstract. The article examines the functional, semantic, and word-formative characteristics of adverbs within the context of the modern Russian language. Special emphasis is placed on derivational models that determine the morphological stability and variability of this part of speech. Through the prism of artistic retelling of classical texts and the analysis of critical works, the role of the adverb as a tool for creating the spatiotemporal continuum of a text is considered.

Ключевые слова: наречие, словообразовательные модели, морфологическая неизменяемость, адвербиализация, деривация, лингвопоэтика.

Keywords: adverb, word-formation models, morphological invariability, adverbialization, derivation, linguopoetics.

Наречие в системе частей речи русского языка традиционно занимает обособленное положение, характеризуясь отсутствием словоизменительных категорий и морфологической «застывшестью». Однако эта статичность внешней формы скрывает под собой динамические процессы словообразования, которые продолжают эволюционировать. Основной морфологический признак наречия — неизменяемость — выступает не как отсутствие грамматической жизни, а как результат завершённого процесса адвербиализации, где лексема обретает категориальную самостоятельность.

Словообразовательные модели наречий представляют собой сложную иерархию. Наиболее продуктивной остается суффиксальная модель на базе качественных прилагательных (суффиксы -о, -е). Эти образования напрямую

наследуют оценочную семантику производящей основы, но трансформируют её в признак действия или другого признака. В этом контексте интересно обратиться к метафорическому переосмыслению языка. Если представить художественное пространство как живой организм, то наречия на -о выполняют роль нервных окончаний, передающих тончайшие импульсы состояний. Вспоминая атмосферу «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского, можно сказать, что город там существует не просто в объектах, а в том, как удушливо сжимается пространство вокруг героя, как безнадежно тянутся сумерки. Здесь наречие становится проводником экзистенциального опыта, материализуя внутреннюю тесноту духа в грамматическую форму.

Морфологическая структура наречия также опирается на префиксально-суффиксальные модели. Образования типа по-русски, в-третьих, издалека демонстрируют генетическую связь с падежными формами существительных и прилагательных. Процесс перехода из одной части речи в другую (транспозиция) часто сопровождается семантическим сдвигом. Критик В.В. Виноградов в своих трудах подчеркивал, что наречие — это «свалка» языковых форм, утративших флексию, но сохранивших лексическую энергию. Согласно его взглядам, именно в наречии запечатлена история языковой экономии: то, что раньше требовало целого предложного сочетания, теперь кристаллизуется в едином слове¹.

Рассматривая идеи А.А. Шахматова, мы находим подтверждение тому, что наречие является наиболее синтаксической частью речи. Шахматов указывал на то, что категориальное значение наречия полностью раскрывается только в связке с глаголом или прилагательным, выполняя функцию «определителя определений»². Это делает наречие незаменимым инструментом в психологической прозе. Например, если пересказать суть тургеневской «Аси», мы увидим, что чувства героев передаются через динамику наречий: они любят внезапно, страдают молчаливо, расстаются непоправимо. Каждое из этих слов не просто описывает действие, но задает его качественный предел.

Словообразовательный потенциал наречий также активно пополняется за счет деепричастий, утрачивающих глагольность (сидя, нехотя, зря). Этот процесс перехода из динамического состояния (действия) в статичный признак подчеркивает гибкость русской морфологии. В художественном тексте такие наречия создают эффект «застывшего кадра». Представим описание зимнего леса: деревья стоят недвижно, словно погруженные в глубокий сон. Здесь «недвижно» — это не просто отсутствие движения, это характеристика самого бытия леса, закреплённая морфологически. Важным аспектом является также образование наречий от имен существительных с помощью префиксов (вверх,

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — С. 284.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941. — С. 418.

вначале, подчас). Здесь мы наблюдаем процесс десемантизации пространственных понятий и их превращение в абстрактные временные или обстоятельственные маркеры. Система наречий в русском языке обладает уникальной способностью поглощать элементы других систем, превращая их в инструменты уточнения смысла. Морфологические признаки наречия — это не только отсутствие окончаний, но и особый тип словообразовательной связи, который позволяет языку быть лаконичным. Наречие берет на себя роль «смыслового сгустка». В классической критике часто встречается мысль о том, что избыток наречий может утяжелять слог, однако именно они придают фразе точность. Как замечал один из исследователей стиля Чехова, его проза «дышит» благодаря наречиям, которые расставляют акценты так тонко, что само действие отходит на второй план, уступая место тому, как оно совершается. Продолжая исследование морфологической природы наречия, необходимо обратиться к его внутренней классификации, которая в лингвистической традиции делится на две обширные группы: определительные и обстоятельственные наречия. Если определительные наречия (быстро, весело, крайне) характеризуют само качество действия или признака, то обстоятельственные (вчера, назло, повсюду) выступают в роли внешних координат бытия. В художественном дискурсе это разделение обретает особую эстетическую нагрузку. Если мы обратимся к поэтике И.А. Бунина, то заметим, как мастерски он использует обстоятельственные наречия времени для создания эффекта «остановленного мгновения». В прозы мир предстает как нечто, существующее искони и навеки, где каждое движение души тотчас находит отклик в природе. Наречие здесь перестает быть просто грамматической единицей и становится философской категорией, связывающей мимолетное с вечным.

Словообразовательные модели обстоятельственных наречий часто опираются на древние именные основы. Процесс адвербиализации существительных (например, утром, зимой) демонстрирует, как падежная форма, утрачивая синтаксические связи с другими членами предложения, кристаллизуется в чистый смысл времени. Исследователь В.В. Бабайцева указывает на то, что такие формы находятся в зоне «переходности», где грань между существительным в творительном падеже и наречием становится прозрачной. Критика часто отмечает, что именно на этой грани рождается подлинная поэзия: когда «ночью» — это не просто время суток, а состояние одиночества и тишины³.

Особый интерес вызывают префиксальные модели, формирующие наречия цели и причины (поневоле, сторяча, назло). Эти слова обладают высокой степенью семантической компрессии. То, что в аналитических языках требует

³ Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М.: Дрофа, 2000. — С. 156.

развернутой конструкции, в русском языке упаковывается в одну лексему. Такие наречия являются психологическими маркерами мотивации. В произведениях Л.Н. Толстого, если подвергнуть их художественному пересказу, действия героев часто мотивированы именно такими «сгустками» воли: Пьер Безухов может поступить нелепо или опрометчиво, но за каждым таким наречием стоит глубокий пласт внутренних противоречий, которые автор не разворачивает в описание, доверяя грамматической форме.

Современная языковая ситуация вносит свои коррективы в систему адвербиальной деривации. В эпоху цифровизации и стремления к экономии речевых усилий наблюдается всплеск образования наречий от основ, ранее считавшихся несклоняемыми или заимствованными. Появляются окказионализмы и неологизмы, созданные по традиционным моделям (например, адвербиализация англицизмов). Смысловая структура наречия способна расширяться за счет включения новых культурных кодов. Наречие становится самой оперативной частью речи, быстро реагирующей на изменения в темпе жизни. С точки зрения морфологических признаков, важно отметить категорию степеней сравнения, которая сближает наречия на *-о/-е* с прилагательными. Однако, в отличие от прилагательных, сравнительная степень наречия (быстрее, выше) остается абсолютно неизменяемой, что еще раз подчеркивает его грамматическую автономность. Критики-лингвисты подчеркивают, что эта морфологическая черта позволяет наречию выступать в роли предикатива в безличных предложениях (стало тише, душевно легко). В таком употреблении наречие берет на себя функцию сказуемого, описывая состояние среды или человека без указания на субъект. Это создает особую «бессубъектную» атмосферу, характерную, например, для лирики А. Фета, где мир чудно преображается в свете луны, а наблюдатель растворяется в этом сиянии.

Словообразовательные модели наречий в русском языке представляют собой не замкнутую систему, а открытое пространство для смыслового творчества. От древних застывших форм до современных динамичных новообразований, наречие сохраняет свою главную морфологическую черту — неизменяемость — как символ смысловой устойчивости. В структуре наречия заложен код лаконичности русского языка: умение выразить отношение, обстоятельство и оценку одним точным словом. Наречие не просто сопровождает глагол или прилагательное — оно задает тон всему высказыванию, являясь тем невидимым архитектором, который выстраивает эмоциональную и логическую перспективу текста.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — С. 284.
2. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. — С. 703.
3. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941. — С. 418.
4. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М.: Дрофа, 2000. — С. 156.